

Алексей Поляринов "Риф" (отрывок)

Таня

Таня отлично помнила день, когда мать оступилась. Это было летом, на даче. На соседнем участке хозяин выкопал яму под фундамент, из ямы пахло сыростью, и каждую ночь в нее забирались сотни лягушек — падали на дно и не могли выбраться. Их кваканье сводило с ума всех, включая собаку на цепи на участке через дорогу. По утрам Таня надевала комбинезон и резиновые сапоги, они с матерью подтаскивали к яме лестницу, спускались и собирали лягушек в ведра, чтобы затем унести в лес и отпустить.

Следующей ночью все повторялось, лягушки возвращались в яму с таким упорством, словно это было какое-то священное для них место. Скорее всего, их привлекал запах сырой земли. Сбор лягушек тем летом стал для них чем-то вроде ритуала. Они завтракали на веранде, затем мать помогала Тане натянуть сапоги, и они вместе спускались в яму и «собирали урожай», и мать рассказывала об удивительных способностях земноводных: они, например, могут отращивать новые хвосты и лапки взамен потерянных; а еще могут вмерзнуть в лед и провести в его толще месяцы и годы, и если лед растопить, они «проснутся» и будут жить дальше как ни в чем не бывало.

А потом мать оступилась. Таня отлично помнила тот день — очередное утро, очередная сотня лягушек на дне ямы, — мать подошла к краю и, кажется, не рассчитала шаг, или, может, земля осыпалась под ногой.

Затем — сирена, мигалки и запахи больничных коридоров; нелепые плакаты на стенах и переломанные люди в отделе травматологии — на костылях, в колясках.

Фамилию доктора Таня запомнила хорошо — Носов, а имя-отчество все время вылетало из головы. Носов был такой добрый дядька с внешностью крестьянина. Озвучивая диагноз, он крутил на пальце обручальное кольцо, как будто нервничал и надеялся, что кольцо защитит его или сделает невидимым; а еще, разглядывая рентгеновские снимки, он вечно что-то напевал себе под нос.

— Пу-рум-пум-пум, какой интересный у вас позвоночник.

Эта его манера ужасно раздражала мать.

— Зайдет в палату и давай пурумкать. Еще и позвоночник мой все время хвалит. Кто в здоровом уме делает комплименты позвоночнику? Можно мне другого врача?

* * *

Еще ребенком Таня научилась «слышать» настроение матери — могла определить степень ее усталости и раздражения по тому, как она открывает дверь и бросает ключи на комод; как выдыхает, опускаясь на табуретку; как расстегивает пальто; как снимает сапоги и разминает пальцы на ногах, массирует опухшие ступни. Слушать уставшую, угрюмую мать и смотреть на нее было невыносимо, поэтому Таня всегда старалась ее развеселить — так еще в детстве стал проявляться ее комедийный талант. Мать много работала, из школы приходила поздно, шла в душ, затем в халате и с полотенцем на голове садилась за кухонный стол и проверяла тетрадки. Таня — ей тогда было восемь или около того — тоже накидывала халат, сооружала на голове тюрбан из полотенца, заходила на кухню, садилась напротив матери — точная копия в масштабе примерно 1:3 — и начинала подражать ей, «проверять тетрадки». Уже тогда она умела идеально схватывать мимику и характерные жесты людей, которых изображала. Например, «проверяя тетрадки», она так выразительно вздыхала, качала головой и кусала колпачок красной ручки, что даже мать, наблюдая за ней, спрашивала: «Это что, я правда вот так делаю, да?» Таня в ответ смотрела на нее поверх воображаемых очков и говорила: «Танюш, ну, ты же видишь, я занята, не мешай маме работать, иди поиграй», — и интонация ее была настолько узнаваема, что мать откидывалась на спинку

стула, склоняла голову набок и улыбалась впервые за день, и Таня точно так же склоняла голову и улыбалась ей в ответ.

— Ц-ц, артистка, — цокая языком, говорила мать.

Танин талант, впрочем, ценили далеко не все — старшую сестру Леру ее «выступления» приводили в ярость.

— Еще раз меня отзеркалишь — из окна выкину, поняла?

Но Таня все равно «зеркалила» — назло. У них с сестрой вообще были сложные отношения — хотя какими еще могут быть отношения двух сестер, которым вечно все приходится делить — игрушки, одежду, комнату?

Таня была домашней, ручной, Лера, наоборот, — из тех, о ком слагают легенды бабки на лавочке возле подъезда; с вечными синяками на ногах, происхождение которых — синяков, не ног — она и сама не могла объяснить. Лет до одиннадцати Таня была уверена, что старшая сестра ее ненавидит и что угроза выкинуть в окно — не пустые слова, поэтому, если в комнату заходила Лера, Таня на всякий случай старалась держаться от окон подальше.

Таня не была изгоем, хотя сама вряд ли смогла бы определить свое место в школьной пищевой цепи; училась она средне, списывать у нее было бессмысленно, взять с нее было нечего, поэтому над ней особо не издевались — все-таки дочь училки, — сидела на третьей парте и не отвечивала. И все же иногда девицы из параллельного ее били; без всякой причины, потому что могли. Таня поначалу пыталась давать отпор, но очень быстро поняла, что этим только доставляет им удовольствие, и заметила, что если во время трепки молча стоять и смотреть в одну точку, то все заканчивается гораздо быстрее — живодерам неинтересно мучить тех, кто не отбивается, не плачет и не кричит «за что?!»; поэтому когда Таню зажимали в углу и начинали лупить, она замирала на месте и обычно стояла с таким скучающим видом, словно ждала лифт, словно встреча с обидчицами — это самое скучное событие в ее жизни, и этим убивала им все удовольствие от насилия; гопницам быстро надоедало, и они расходились; главное было — не смотреть им в глаза и не отвечать. Насилие в школе вообще было делом обыденным и скучным, как мытье полов или уроки обществознания, никто из учителей об избиениях даже не подозревал; а может, наоборот, — все знали, но делали вид, что не замечают; в конце концов, довольно сложно не замечать ссадины и порванные рукава рубашек. В школе было негласное, но для всех очевидное правило: мир взрослых и мир детей не должны пересекаться, и если ты просишь взрослого о помощи, ты как бы нарушаешь герметичность школьного мироздания, а за такое дети карали еще сильнее.

Однажды — это было классе в шестом, кажется, — Таня в очередной раз пришла домой растрепанная, сжимая в ладони оторванные пуговицы, и не успела запереться в ванной, нарвалась на Леру, которая сразу все поняла. Лера была уже в выпускном классе, то есть формально еще в мире детей, но по факту — уже взрослая, готовится к поступлению и переезду в универ.

Через два дня на пороге квартиры возник участковый, а за спиной у него — толстая опухшая тетка, мать одной из Таниных обидчиц. Как выяснилось, накануне Лера подкараулила их у выхода из школы и отхлестала крапивой; физического вреда почти не было, в основном моральный — отходила веником крапивы по задницам на глазах у одноклассниц.

В тот день Таня впервые подумала, что, возможно, Лера не такая уж плохая сестра, и, возможно, она все-таки не выкинет ее из окна, и еще, возможно, она ее даже любит. В конце концов, не станет же человек караулить у школы твоих обидчиц и лупить их крапивой, если он тебя не любит?